

Текущая литература.

Обзор № 3.

(Окончание. См. № 45 Тамб. Губ. Изд.).

Все, что влечет людей работать, стремиться к истини, совершенствоваться физически и духовно, все это Корень признает нормальным. А все ненормальное, как зло, должно быть устранено или уничтожено, потому что в противном случае это зло съедается сильней и поглотит все лучшее, честное и совершенное. В нашей жизни торжествуют обыкновенно не сильнейшие духом и не лучшие, а только отрицательные элементы, потому что у нормального человека не хватает решимости бороться со злом до конца во имя ложного понимания гуманности — не хватает силы зло уничтожить в буквальной силе этого слова. Исповедуя такие убеждения решительного во действиях реалиста, Корень, конечно, считает Лавского злом, заразительным для общества, унижающим человеческое достоинство женщины, и потому подлежащим уничтожению. Можно оспаривать крайность подобного убеждения теоретически; но нельзя не согласиться, что бытует в жизни человечества или общества моменты, когда проповедь такого крайнего направления безусловно полезна, потому что застывает людей даже индифферентных относиться критически к вредной деятельности своего ближнего. Еще важнее, если эта проповедь не остается только отвлеченным развлечением крайних направлений. Тогда в индифферентном обществе, против критического самосознания, пробуждается еще и активная солидарность с защитниками правды, — и наступает эпоха, или момент прогрессивной деятельности дремлющих сил.

Взгляды Фомы-Корень были настолько жизненны, что дальнейшее подтверждение это с безусловной очевидностью.

Ему ничего не стоило воспользоваться удобным случаем и вызвать Лавского на дуэль с определенной целью убить его. Фомы-Корень поднимал пистолет и стал

прицеливаться в Лавского... „Я его сейчас убью... Да, конечно, убью“... — думал он во время дуэли. Эта уверенность ясно говорить, что он боролся со злом, насилом и создавал себя воплоти правды. У него не было личных мотивов ненавидеть Лавского, и поэтому предполагаемое убийство являлось крайним протестом против зла общественного, задерживающего здоровый рост культуры.

Как выясняется из дальнейшего повествования, фактического убийства не совершилось, благодаря случайности. Пожалуй это и лучше с точки зрения эстетической, да и с точки зрения читателя не возбуждаются преступлений в грубой форме. Так не повесть заканчивается трагически. Корень убил вредного Лавского, и жить остался другой человек, потому что этот другой повзрослел с своей любовницей, признав этим за нею право на человеческое достоинство; этот другой стал работать, чтобы получить возможность уплатить долги, и совершенно изменил свой образ жизни. Так закончилась повесть, и в душе каждого интересующегося читателя возбуждается ряд вопросов, из которых нас занимают в настоящую минуту из особенности два.

Во первых: окончательно ли уничтожен в Лавском испорченный человек, или он только временно замолк, чтобы при благоприятных условиях снова проявить себя?

Фомы-Корень, до дуэли убежденный в необходимости уничтожить своего противника, через 3 месяца говорит Лавскому: „Я ошибся относительно вас, но ведь спотыкаются и на прямой дороге, и такова уж человеческая судьба: если не ошибаешься в частностях. Никто не знает настоящей правды“. Другими словами основных своих убеждений он, Корень, не изменил, т. е. попрежнему считает необходимым бороться со злом силой, уничтожал его: в частности же он допускает отступление, напирать в роду факта с

Лит-2
Тамб.
м. 2

Лаевский, который мог и не пойти под влиянием обстоятельств, и даже больше, — который мог быть и не испорченным. Нам кажется, что Фонз-Корень сказал своему противнику комплимент, а Чехов желал слышать то впечатлительное жестокосердие, которое произвел на читателя реалист Фонз-Корень. Нам кажется, что Лаевский не извинился в душе, но будет осторожнее в своих поступках от сознания, что Фонз-Корень говорил не слова только, что он не один, и что надо считаться с какой-то силой, заставляющей человека во имя идеала жертвовать жизнью. Подвиг обновления ожидать невозможно, потому что Лаевский в большинстве случаев неизлечимо болен.

Другой вопрос: чтобы произошло, если бы случайность не помешала Корнею убить Лаевского?

Это было бы логическим следствием развиваемых зоологом убеждений, за которыми он и полагался бы, конечно, смыслом. Защита мыслила бы идею подкладку преступления, а идея эта доказанная фактами, лишь раз подтверждал бы практическую несостоятельность учения о непротивлении злу. Кроме того, в этот случай, та сила женщины, которая завоевывала себя независимое положение и равное с мужчиной уважение к своему человеческому достоинству, боялась бы, что она из своей неуставной борьбы находить себя могущественных защитников в лице лучших представителей интеллигентного общества...

Таков был бы конец повести из жизни нашего образованного общества, если бы случайное низвержение богобоязненного дыкова не прервало логической развязки. В жизни так обыкновенно и случается. Пошла посредственность, боязнь шума, близорукое отношение к идейным проявлениям, шаблонная мораль, — все это выступает наружу и в последний момент деятельности человека является, словно противодействие, сдерживающее это от разрушения и унич-

тожения...

Подобный конец вполне отвечает нашей суровой действительности и говорит за утилизацию Чехова оставаться объективным и беспристрастным автором, но смотря на возможность придать своей повести эффектное, но, пожалуй, тенденциозное окончание.

В заключение нельзя не остановиться на таком бросающемся в глаза обстоятельстве. В изображении двух главных действующих лиц проявились достоинства и недостатки произведения. А именно: Лаевский в каждом слове, в каждом штрихе автора — живой человек. Вы точно видите его и чувствуете его безвольно тоскливое настроение. Фонз-Корень, напротив, кажется вам, как будто вымышленный записчик. Слова и действия его не помогают вам представить себе этого реалиста, как живого человека. И происходит подобное обстоятельство от того, что Лаевский взят автором из жизни. Их слишком много у нас, этих эгоистов индивидуалистов, и т.п. представителей неудовлетворенных „продуктов современной цивилизации“. Их не нужно выдумывать. Тогда как Фонз-Корень — редкое явление, туго привносящееся в нашу суровую действительность.

Главное достоинство Фонз-Кореня, по моему мнению, состоит в его сильной воле и решительном характере. Хотя сами по себе эти черты не свойственны русскому интеллигенту, тем не менее и не в них дело... Ясное и определенное мироощущение, сильная вера в свои идеалы делают и безвольного, безхарактерного человека — сильным и могучим. Чтобы твердо действовать, надо ясно понимать и сильно чувствовать. Таким образом не в выработке характера заключается задача истинного воспитания и самосовершенствования, а в выработке ясных и определенных убеждений и верований. Характер и воля являются сами собой, когда в них окажется действительная необходимость.

С. Антономов.